

18+

ПО
ЛЕЗ
В
И
Ю
СТ
Р
У
Н

9: *Кира Бородулина*

Кира Бородулина

**По лезвию струн. Ностальгический
рок-н-рольный роман**

«Издательские решения»

Бородулина К.

По лезвию струн. Ностальгический рок-н-рольный роман /
К. Бородулина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984845-1

Вадим Дронов — молодой гитарист, вынужденный вернуться в родной город из любимого Питера. Трудности ожидаемы: восстановление в институте, поиск жилья, возвращение в группу, новое знакомство со старыми друзьями. Дабы отвлечься от проблем и разобраться с прошлым, Дрон начинает работать над сольным альбомом. Однажды напоминает о себе питерская возлюбленная. Едва налаженная жизнь вот-вот улетит под откос. Что выберет герой — танец на граблях или сольную партию?

ISBN 978-5-44-984845-1

© Бородулина К.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
За полгода до...	6
«ЗЕРКАЛЬНЫЙ» ГОД	9
Конец ознакомительного фрагмента.	35

По лезвию струн

Ностальгический рок-н-рольный роман

Кира Бородулина

Редактор Надежда Садикова

Иллюстратор Анастасия Блохина

Дизайнер обложки Екатерина Нестеровская-Панферова

Корректор Надежда Корнилова

© Кира Бородулина, 2020

© Анастасия Блохина, иллюстрации, 2020

© Екатерина Нестеровская-Панферова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-4845-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

За полгода до...

Мои последние дни в Питере – как последние дни жизни. Я жадно вбирал в себя каждое ощущение и впечатление, каждый образ, который перестал замечать, прожив в этом городе чуть больше года. Теперь все заиграло новыми красками. В голове непрерывно звучала песня Майка Науменко «Завтра меня здесь уже не будет...».

Я шел на встречу с любимой. Мы договорились поиграть у Казанского собора – излюбленное место наших свиданий. Играть там – дело непростое: либо заплати, либо улучи момент и шуруй, пока не прогнали. Мы выбирали второе. Щекотание нервов и привкус чего-то запретного объединяли нас. По крайней мере, мне так казалось.

Мне потребовалось не больше секунды, чтобы разглядеть ее хрупкую фигурку в толпе туристов. Она ходила вокруг фонтана, то перебрасывая футляр со скрипкой из руки в руку, то поправляя раздуваемые ветром волосы. Какое-то время я не показывался ей на глаза, любуясь из-за колонны собора. Завтра меня здесь уже не будет. Возможно, я больше никогда ее не увижу.

Заметив меня, она шагнула навстречу.

– Прости, что опоздал, – я подбежал к ней.

Так торопился, выскочил в одной футболке и уже начал замерзать, в середине июля.

Она, конечно, простила. Казалось, даже не придавала этому значения.

– Удачно мы зашли! – она окинула взглядом площадь и стала расстегивать футляр.

Действительно, ни одного уличного музыканта. В середине летнего дня? Что-то в этом есть странное, почти зловещее.

Я нехотя снял чехол с гитарой с онемевшего плеча. Завтра меня здесь уже не будет. Почему бы не погулять вместе по аляповатому Петергофу, не посидеть в любимом кафе на Малой Морской, не насытиться радостью последних встреч? Когда уеду, увезу с собой воспоминания, как сокровища. У меня не останется даже фотографии. И наши вороватые совместные выступления будут частью этих воспоминаний.

Иоланта любила русский рок, а меня всегда больше притягивал тяжелый запад. Но, разумеется, мы играли то, что любит она. В Питере или в Ташкенте – неважно. Я смотрел на мир ее глазами, слышал эти песни ее ушами и находил мазохистское удовольствие в откапывании романтично-лиричного себя. Такого меня знает только она. Мы играли «Аделаиду» Гребенщикова. «И нет ни печали, ни зла, ни гордости, ни обиды» – единственное, что я помнил в этой песне. Затем был «Крематорий», потом «Зоопарк», но не то, что мельтешило в моей голове, и не «Прощай, детка, прощай». Вокруг стал собираться народ. Парень с гитарой – эка невидаль, а вот девушка со скрипкой – да. И послушать, и поглазеть приятно. В оставленную мной кепку полетели монетки, кто-то подходил ближе и клал бумажки. Будет, на что поесть мятного мороженого напоследок. Я очень его люблю, а в моем городе такого нет...

Ублажив толпу и заработав свои эндорфины, мы собрали деньги и поплелись к метро.

– Мне надо тебе кое-что сказать, – начал я.

Подождать бы, присесть где-нибудь, чтоб видеть ее лицо. Сказать ей все, глядя в глаза. В ее прекрасные изумрудные глаза...

Но не утерпел.

– Ммм?

– Я решил уехать домой.

Она не ахнула, не вскрикнула, не остановилась. Через секунду метро поглотило нас, и мы поодиночке продрались через толпу к эскалатору.

– Надолго? – спросила она, когда мы втиснулись в вагон.

Боже, откуда эти толпы, середина буднего дня?!

– Насовсем.

Нет, не потому, что порой этот город напоминал мне размалеванную девочку-подростка на первой дискотеке, залихватски пляшущую в откровенных нарядах. Не потому, что осенью, зимой и весной тут не вылезешь из депрессии. Не потому, что я резко понадобился родителям или друзьям. И уж конечно не потому, что мне так хотелось перевестись из ЛГУ в наш институт, хоть он и входит в двадцатку лучших вузов страны.

– Почему?

Думал, она и не спросит – так затянулось молчание. Как было бы славно!

– Я не могу здесь больше.

Точнее было бы сказать: я не могу *так* больше. Быть с тобой и быть не с тобой. Быть рядом, но не вместе. И каждый бронзовый лев, каждый каменный ангел, каждый разводной мост напоминает об этом. Думал, справлюсь, но это сложнее, чем казалось. Этот город не нужен мне без нее.

– Вадим, ты уверен? Если это из-за меня, мы можем просто перестать видеться... – ее голос дрогнул.

Так неожиданно, что перехватило дыхание.

– Нет, нет. Это не поможет. Так нам обоим будет лучше. Надо двигаться дальше.

Даже не обидно, что жизнь только-только наладилась. Здесь – перспективы, а в моей Тьмутаракани – одиночество. Так бывает, когда ты встретил свою любовь, а она – нет. Но в качестве друга ты ее более чем устраиваешь. До сих пор помню тупую боль, когда она сказала, что не может ответить мне взаимностью, но ближе меня у нее никого нет. Солнце не померкло. Мир не рухнул. Просто хотелось выть. Но я переживу! Видеть ее каждый день, быть рядом, играть у Казанского собора, есть мятное мороженое, делиться впечатлениями от книг и музыки с понимающим человеком – разве не счастье? И каждая встреча – вопрос и надежда: ты не передумала? Посмотри, какой я классный, когда-нибудь ты меня обязательно полюбишь! Глупая девчонка, хоть и умница... Я играю твои любимые песни и смотрю на тебя глазами преданного пса в ожидании подачки. Мимолетной улыбки, случайного касания.

Счастье? Более изощренной пытки трудно измыслить. В Петропавловке был, знаю, о чем говорю.

– Что ж, если ты так решил...

Я возвращаюсь в никуда. В родном городе у меня давно ничего нет. Единственное, что я сделал – позвонил старому другу Данчеру и попросил предоставить мне диванчик в гараже, где мы репетировали. Пока не найду жилье и работу. Другой город и экстремальная ситуация. Переключиться, забросать бытовухой клокочущее нечто в душе. Одной болью выбить другую.

– Когда? – она подняла на меня свои прекрасные глаза.

– Завтра. В десять вечера. Придешь меня проводить?

Она кивнула.

Мы покинули вагон. Молча зашли в кафе, молча проели заработанные деньги. От ее печали стало в сто раз гаже. Когда она улыбается, мир вокруг преобразается, все становится золотым, как ее волосы на солнце. Когда ей грустно, эффект обратный. Я поежился, будто вмиг набежали тучи и ветер с Невы усилился.

– Я буду скучать, – сказала она на прощание.

Выдрав из блокнота листок, я нацарапал на нем адрес электронной почты. Фактического адреса у меня пока нет.

– Если что, пиши.

Хотя, наверное, лучше не надо. Ворошить былое, беречь мои раны. Но не мог же я совсем ничего ей не оставить, хотя бы на память! Не считая листов со стихами и редких книг, которые находил для нее. Неужели все, что нас связывало, можно так легко разорвать, просто уехав из города? Черный пес Петербург... Разумом понимал, что разорвать надо, и не маникюрными ножницами, а топором. Но сердце никак не хотело с этим мириться и цеплялось за соломинку.

Иоланта пришла проводить меня на следующий день. Привезла подарки от своей бабушки, которая меня очень полюбила. Оладушки и банку абрикосового варенья. Хорошо, что сама старушка не приехала – было бы совсем тяжело. Любимая обняла меня на прощанье, и я не хотел отпускать ее, все выжидал, что она произнесет эти главные слова, которые повернули бы время вспять и изменили бы мою жизнь. Но она сказала другие:

– Счастливого пути! Не забывай меня.

Я чуть не застонал. Разве не для этого я уезжаю отсюда? Забыть. Начать жизнь заново. Третий раз, по-моему. Сбился со счета.

Двери поезда отрезали меня от старой жизни. Иоланта вскоре растворилась в темноте июльской ночи. Долго ли еще она будет махать мне вслед и грустно улыбаться?

Последние дни... Будто стремительно катишься в пропасть. Кругом пестрый бурлящий вихрь, головокружение, преждевременная тоска и тошнота в преддверии избавления. Но остановиться не можешь. Понимаешь, что через секунду – глухой удар, выключение сознания, и наступит тьма. Или серость, как случилось в реальности. Серость родного города. Будто закончился цвет. Городов таких множество, я никогда не знал, что о нем сказать, кроме «после Питера глаза не смотрят», но это не Москва. В этой трансформаторной будке я не смог бы выжить. А родной город примет меня, как блудного сына. С позором и на щите, отвергнутого всеми и отвергнувшего все.

Какое это имеет значение?

«ЗЕРКАЛЬНЫЙ» ГОД

9 января, среда.

Чужды мне всегда были такие летописи, хотя в детстве любил читать дневник Капитана Блада. У самого же получалось примерно так: герой проснулся, побрился, отжался и не знает, о чем писать дальше. Но, то ли поговорить не с кем, а хочется душу облегчить, то ли самоуверенность: кажется, если записываешь, твоя жизнь хоть чем-то примечательна. Был бы у меня личный психиатр, он бы мне посоветовал такую терапию. Наверное, помогает – интернет завален дневниками, правда, эти эксгибиционисты мне не очень понятны.

Утром не хочется открывать глаза. Свалить бы на кого-то свою слабость! Сильные люди так не делают, но я к ним больше не отношусь. На погоду валить не хочется – надо что-то пооригинальнее придумать. Родители, например. Точнее, дед – плохо меня воспитал. Нет, глупо. Среда? Внешняя, в смысле. Музыка? Любовь?

Мой сосед снизу работает таксистом. Приезжает полтретьего ночи, хватается за гитару и подвывает. Ричи Блэкмор хренов! Уже третью ночь так. Встал не с той ноги.

Откопал в дорожной сумке шарф, который давным-давно связала мне Линда – подруга детства. Вместе учились в музыкалке, потом пытались играть в рок-н-ролл. Она сказала тогда, что темно-синий блондинам идет и глаза красиво оттеняет. Намотал на шею, глянул – оттеняет темные круги под глазами и совсем не красиво. Все же приятно – ручная работа, кто-то о тебе заботился, с цветом парился, трудился... согреет зимой.

Интересно, как там Лин?

13 янв., воскр.

Звонил Мутч – бродячий однокашник. Просился пожить. Полезно будет хоть с кем-то пообщаться, а то уже разучился. Он приехал вечером, еще бледнее и страшнее меня. На откровения не настроен. Ладно, мне не к спеху, своей хандры хватает.

За чаем Мутч спросил, почему я вернулся из Питера. Я наврал, что соскучился по ребятам из группы, что не пошел мой рок-н-ролл на чужбине. Не скажешь же: из-за девчонки.

– Неужели они ждали твоего возвращения?

– Нет, просто ушел гитарист, и я занял его место, – ответил я.

Мутч покачал головой. Не поверил. Лучше б я молчал, как он о своей жизни. Или насочинял повдохновеннее.

Предложил ему заново встретить новый год – первого января получилось не ахти. Как говорится, был бы повод! Мы наварилипельменей, запили их кисловатым вином и провозгласили тост: «за сбычу мечты»!

– А какие у тебя мечты? – поинтересовался мой гость.

– Выжить, – отозвался я.

14 янв., пон.

Отсидел какую-то консультацию в институте. Зато с такой невероятной радостью вернулся домой! До чего я дожил – съемную лачугу называю домом! Солнце никогда не заглядывает, ни в какое время суток. Пятый этаж, угловая. Район, как медведь в спячке: тихий, но угрожающий. К городу я стал привыкать. Первое время все здесь казалось невыносимо скучным и мрачным. Будто из дворца переселился в шалаш. Однако здесь мне самое место. Возомнил себя бомондом на какое-то время, пора и честь знать.

В универе грузят все, кому не лень. Преподы говорят, что понимают мое состояние после перевода из СПбГУ, но все же, надо работать, не забивать на лекции и т. п. Все ясно, все справедливо.

Где-то слышал, что если человек постоянно находится среди того, что его угнетает, он становится мрачным и депрессивным. Это правда, если судить по мне. Надо было елку наряжать на новый год и оставить до июля – радовала бы мерцающей гирляндой и разноцветными шариками. Напоминала счастливое детство с салатом оливье и фильмом «Чародеи». Хурма, запах мандаринов и хлопушки! Куда, куда вы удалились, чего-то там, бывшие дни?!

30 янв., среда.

Сессию все-таки сдал, не знаю, как. Долго ничего не записывал, гробил время на подготовку. Мне нужна эта гребаная стипендия, хоть смех один, а не деньги. За квартиру уже долг висит. Да и просто – лишний раз доказать себе, что могу мобилизоваться, если нужно. Кое-кто сомневается – узнал случайно. В гараже у ребят. Понятно, меня после возвращения из Питера за человека не считают, надо как-то реабилитироваться. Теоретически надо, а практически до лампы.

Мутч до сих пор у меня, хотя я его почти не вижу. Он не знамо где шатается. Не говорит ни о чем, не делится проблемами. Я бы выслушал, может, легче стало бы нам обоим.

Моя квартира (живу я здесь почти полгода) раньше была похожа на проходной двор: постоянно толпились друзья по группе, иногда Линда заходила. Мы играли, когда не хотелось идти в гараж, или просто пили чай, болтали и слушали музыку. Кто-то приносил что-то новенькое или откапывал легендарное старье. Нам было весело вместе, мы знали друг друга с музыкальной школы. Данчер, самый старший, ему сейчас двадцать пять.

Почему мой дом опустел? У всех каникулы, есть время. После нового года никак не соберемся, а потом, после сессии?

31 янв., четв.

Утром приехала мама. Ясно, кто дал ей адрес... В конце концов, именно она помогла мне найти эту халупу. Я не понял своих чувств: то ли рад ее видеть, то ли не очень.

Мама прошлась по комнате, оглядываясь на увешанные плакатами стены. Они выполняют не только привычное назначение, но и чисто эстетическое – прикрывают выцветшие обои.

– Почему бы тебе не вернуться домой?

– Мам, не начинай, – буркнул я и пошел ставить чайник.

Мама последовала за мной на кухню и села за шаткий стол-книжку.

– Деньги есть?

– Есть.

Мы говорили о всяких мелочах, обо всем, что служит для поддержания так называемого разговора.

– Играешь с ребятами?

Я кивнул.

– А концерты?

– Это непросто, мам.

Концерт был много лет назад, но мама не пошла тогда посмотреть на меня. Это было незадолго до того, как я ушел из дома. Данчер хлопотал об организации. Он у нас старшой. К тому же, у него связи в обществе. Когда он обо всем договорился, мы напились на радостях, а потом, протрезвев, стали репетировать, как проклятые. Я помню, как сказал родителям об этом событии, как меня распирало от счастья. Я даже подумал, что они изменят свое отношение к музыке и ко мне, узнав, что я могу чего-то добиться.

Папа промолчал, мама кивнула и уткнула. Они оказались заняты именно в этот вечер, никак не могли уделить мне жалкие полчаса. Мы выступали в сборной солянке, о большем и не мечтали. Конечно, им не хотелось глотать сигаретный дым, слушать мат и видеть подвы-

пившую молодежь в коже и атрибутике, гремящую цепями. Но могли бы сделать вид, что рады за меня, ведь я так долго шел к своей мечте...

Потом был разогрев в Москве, потом солянка в Питере. Так я и остался там после череды выступлений. Один. Сдавался гитаристом кому ни попадя, пожертвовав родной командой. Она простила и приняла, как блудного сына, почти пять лет спустя. Прошное надо забыть, только очень уж настырно оно всплывает, или я такой злопамятный?

Мама ушла через минут через тридцать. Она все-таки уделила мне эти полчаса.

2 февр., субб.

Вечером позвонил Данчеру, он и Риз согласились прийти. И пришли! Я познакомил их с Мутчем (он мало говорил, но всем понравился). Данчер припер гитару, мы играли старые песни. Риз притащил коньяк – обмывать свой уход из группы. Вот так новость!

– Не парься, чувак, – отмахнулся он от моих расспросов, – бывает так паршиво, что музыка не помогает. А вам незачем провисать.

Хорошая новость заключается в том, что замену уже нашли: Арсений Астахов согласился поступать у нас.

– Он же скрипач, нет? – припомнил я.

Мы знакомы поверхностно, но такого рыжего балагура трудно забыть.

– Теперь и ударник, – просветили меня.

Сеня любил всех удивлять, это его фетиш.

Гостей еле выпер – они бы и на ночь остались, но мне захотелось побыть одному. Я уже привык к этому. Помню, Иоланта спрашивала: «Я не очень много болтаю?» – хотя, она говорила от силы минут пять. Она такая молчунья, что отвыкла от собственного голоса. Странно вспомнить ее имя. По-моему, трудно выдумать что-то более красивое. Или я рассуждаю, как влюбленный дурак? Прогресс: мне не стыдно признаться, что я влюбленный, да еще и дурак.

3 февр., воскр.

Данчер позвонил: у Линды день рождения. Я совсем забыл! Времени искать подарок нет, поэтому отоварился в магазине тортом и забежал в ближайшую палатку, купил диск Nightwish, даже не понял, какой. Меня капитально накрыла эта команда, надеюсь, Лин нравится.

– О, шарфик носишь! – воскликнула она, разглядывая меня со всех сторон.

Да, новое – хорошо забытое старое. Как нашел ее подарок, так и не расстаюсь с ним. Благо, он теплый и не колючий.

Лин как всегда в черном. Ногти с серебристым лаком – единственный праздничный элемент. Одно время она выпрямляла кудряшки, стеснялась смуглой кожи и сильно пудрилась. Теперь, похоже, поумнела.

Уф, отвык так веселиться! В конце концов, общая компания мне надоела, и я стал в соседней комнате рассматривать книги. Иоланта приучила меня обращать на них внимание. Книги в ее комнате могли многое рассказать о ней. У Лин столько книг, что можно зависнуть на неделю. Однако недолго я уединялся – ввалился Риз и поволок веселиться с остальными. Я пытался. Наверное, получалось не сразу, зато потом удалось на славу...

Проснулся на диване в незнакомой комнате. При детальном рассмотрении комната оказалась знакомой. Рядом лежал Дэн и еще кто-то. Бедная Лин! Вряд ли она планировала оставлять нас ночевать, но выпроводить бухих парней даже ей не под силу. Хорошо, родичи в отъезде!

Вчерашняя именинница сидела за кухонным столом и пила кофе. Я даже не представлял, что ей сказать после приветствия. Она поняла мое оупение и предложила пивка. Я дико признателен. Ушел, не дожидаясь, когда остальные очухаются. Дома тоскливо и одиноко, как никогда. Мутча нет.

От нечего делать я взял гитару и стал вспоминать забытые песни. Сто лет назад пели их с ребятами, когда собирались у кого-нибудь дома, когда еще не было группы. Я загорелся идеей собрать команду после того, как услышал Стива Вая в одиннадцать лет. Мечтал научиться так же классно играть, потом стал мечтать о мастеровой гитаре. Родители неустанно твердили, что мои мечты – глупость, из которой я вырасту через пару лет. В музыкалку они меня отправили, конечно, чтоб под ногами не путался. Думали, брошу все через неделю, когда энтузиазм иссякнет. Просчитались. Предкам не всегда хватало времени меня воспитывать, но когда они его находили, делали это с энтузиазмом. На электрогитару денег я у них не выклянчил, поэтому зарабатывал на нее сам. Многих это удивляло – вроде из хорошей семьи парень, предки обеспеченные, зачем тебе листовки расклеивать, папки таскать или машины мыть с четырнадцати лет? Где-то я читал, что все мы завидуем результату, но никто не завидует пути его достижения.

И вот, цель достигнута: я купил классную гитару, бэнд собрался, концерты повесили на Данчера. С последним не ошиблись. Даже в Питере поиграли, в семнадцать-то лет! Не знаю, хороши ли наши песни, но, во всяком случае, они наши. Материала всегда хватало, мы не начинали с кавер-версий, как большинство «коллег». Пока я не перерос свои мечты. Я еще не написал такую песню, которая понравится мне самому и заставит быстрее биться заторможенное сердце. В идеале – изменит жизнь.

В двадцать два пора повзрослеть и радовать маму стабильной зарплатой, но, видимо, я не прошел подростковые кризисы. Только жить начинаю.

6 февр., среда.

В ожидании Сени Астахова мы пили чай, который Данчер предусмотрительно держит в гараже вместе со старым электрочайником. Здесь все оборудовано так, что лучшего и желать нельзя. Данчер – великий человек, не устаю повторять.

Арсений не настолько велик, поэтому сильно опаздывал. Он никогда не замечал времени, насколько я помню, и это мешало ему жить. Он вечно носился с сумасшедшими идеями и планами, которые редко доводил до осуществления, увлекаясь чем-то другим. Он тысячу раз скажет, что хочет написать «таааааакую песню», от которой все закачаются. В этом его главное отличие от Данчера, который, не говоря ни слова, напишет эту самую песню, и она окажется как раз «тааааакой». Понятно выразился, ничего не скажешь.

Астахов явился с получасовым опозданием. Мы горячо его поприветствовали, хотя Дэн и поворчал. Сеня на это благополучно плюнул, продолжая улыбаться в сорок зубов.

Расстановка сил теперь такая: Данчер играет на басу и поет, Дэн ритмачит, я солирую, Сеня барабанит. Ударником Астахов оказался классным, и признаюсь, меня это удивило. «Скрипач на крыше» что-то довел до конца!

7 февр., четв.

Не могу поверить, что скоро в универ! Арсений, оказывается, учится на моем факультете, на два года младше. Хорошо, хоть одно знакомое конопатое лицо. Мне кажется, мы подружимся. Меня так доконало одиночество, что я готов подружиться с кем угодно. С Мутчем не получается — он слишком замкнутый.

После репетиции пригласил Сеню в гости – показать, как живет продвинутая молодежь. Сеня в восторге: «Вау, да тут самое место для панка! Обалдеть!» Я ржал, как ретивый конь. По его мнению, здесь хорошая атмосфера, есть в этом убожестве романтическое дыхание. Ну и фантазер! Конечно, стало лучше, после того, как я окна покрасил и потолок побелил, но не настолько. Надо еще плакатов купить и стены завесить.

Мы сидели на кухне, слушая Цоя. Сеня рассказывал какие-то факты из полной приключений жизни, о том, как играл в готической банде на скрипке, потом ему это надоело, и он переключился на ударные.

– Вот, была у меня мечта – книгу написать. Начал, идей полно, а потом... меня отпустило. Решил с этими чудиками играть, но скрипка – штука немодная, сам понимаешь. Вот и пересел за барабанчики. Мне понравилось!

Скрипка – немодная?! Во, отмочил! Я включил ему Tristania, чтоб он понял свою ошибку.

– Чувак, это отпад! Я прям чувствую! Но не после Цоя.

Дельное замечание. Последовательность блюд действительно важна.

– А ты как? К чему стремишься?

Я задумался, как Митрофанушка из «Недоросля», над простой задачкой. Не знаю. Во мне нет и четверти Сенькиной восторженности. Пишу песни, которые самому не нравятся, есть стихи и даже пара задрипанных рассказов, которые показывал только Мутчу и Лин.

– Да так, – наконец ответил я, потому что надо было что-то ответить.

– А все-таки? – Астахов выжидающе посмотрел на меня.

Я принес толстую тетрадь со стихами и прозой. Арсений взял ее и обещал на досуге ознакомиться.

Часов в шесть явился Мутч. Сеня внимательно изучал его все время, что он просидел с нами.

– Дроныч, а он не наркоша? – спросил он шепотом, когда Мутч ушел с кухни.

Никогда об этом не думал. А вдруг? Что тогда?

10 февр., воскр.

Когда я возвращался домой с репетиции, увидел Мутча на лестничной площадке. Он курил, закрыв глаза. Я пристроился рядом и стал разглядывать кольца дыма.

– Ты осуждаешь меня? – спросил он вдруг.

– За что? – не понял я.

– Да за все. Живу у тебя так долго, не объясняя причин, не говорю с тобой, когда хочешь общаться.

– Кто мне давал право кого-то осуждать?

– Прав никто и не дает, их сами берут.

Я ждал, пока он вновь заговорит, боясь спугнуть внезапную разговорчивость. Мутч глубоко вздохнул.

– Ты тоже был один, да? – продолжил он, наконец.

Я пожал плечами и промекал что-то невразумительное, мол, каждый через это проходит.

– Кто проходит и мимо, а кому с этим жить. Я устал...

Я вспомнил, как вернулся из Питера в конце августа. Дождило всю, на сердце такая тоска, что думал – не справлюсь никогда. Поезд привез меня в родной город, но я не был рад. В сентябре институт. Новый. Я опять один, но забыл об этом из-за кучи пересдач, недосдач и прочих хлопот с переводом. Потом с квартирой. Даже когда вернулся в группу, к якобы друзьям. Чувствовал кожей, что никакие они мне больше не друзья – в лучшем случае знакомые в старом новом городе. Родителям я никогда не был нужен.

– Ты не пробовал поступить куда-нибудь? – спросил я.

– Поступил в прошлом году на юридический. Ушел.

Я ошарашено взглянул на него. Мутч понял мой безмолвный вопрос и отмахнулся: мол, не мое это.

– А что потом?

– А если б не ушел, могло быть что-то? – он ухмыльнулся.

Общественное мнение – бросил учебу, значит, дурак. Как я учусь – все равно, что не учусь. Для корки и галочки.

– Ты колешься? – невыносимо об этом молчать после Сенькиных догадок.

– Нет, завязал.

Какой же я слепой баран! Или так поглощен собой, что мне до других дела нет...

Когда он докурил, мы зашли в квартиру.

– Зачем ты уехал из Питера? – поинтересовался Мутч. – Там гораздо больше возможностей. Тем более, ты музыкант.

Я усмехнулся. Музыкант! Там своих хватает. На каждом углу по музыканту.

Не знаю, как получилось, что я рассказал ему все об Иоланте и моей дурацкой любви.

Мутч слушал внимательно, затем спросил:

– Какая она?

Не знаю, как выразить все, что помню о ней, в паре предложений. Необыкновенная. Одинокая фея.

– Как я понял, – заключил Мутч, – она надеялась на твою дружбу, а ты ее подвел?

– Я влюбился и все испортил. Не мог больше оставаться в этом городе, рядом с ней.

Мутч хмыкнул.

– Не слишком ли опрометчиво? Ладно, там, деревня или глухая провинция, но Питер!

В том-то и дело – слишком он яркий и колоритный, слишком многое в нем связано с Иолантой.

– Не очень понимаю, что ты конкретно испортил. Самое адекватное – расстаться, если любовь односторонняя. Ни тебе жизни не будет, ни ей. Знаю девчонок, которые с отвергнутыми ими ребятами спокойно общаются, пиво пьют и на концерты ходят, но не ведаю, каково этим парням.

– Да хреново! – рассудил я.

Хорошо, когда есть друзья! Мутч умел слушать. Мне же хотелось говорить о ней. Постоянно – все, что знаю и помню...

11 февр., пон.

В окно заглядывает рассвет. Мутч, естественно, спит. Я тихо иду на кухню и ставлю чайник. Как-то спросил Лану, что она делает, если по ночам не спится. Она ответила, пьет чай и пишет стихи. Ее стихи прекрасны, сравнения точны, а образы бездонны. Мне никогда не написать таких. Наверное, потому, что я не был *настолько* один. Неужели талант отнимает другие радости жизни? Она всегда знала, что одна, я же сталкивался с одиночеством время от времени.

Она снилась мне сегодня. Чудесный сон, и в то же время выбивающий из колеи, как обычно. Она – в длинном светлом платье, с венком ромашек на голове, босиком – шла по Невскому. Такая светлая в черно-серой толпе, будто лесная фея на асфальтовой равнине. Ветер трепал густые локоны и с каждым ее шагом Невский порастал ярко-зеленой травой. Она будто расстилала за собою покрывало. Толпа вдруг исчезла, остались только она и лужайка, залитая солнцем. Тогда я и проснулся.

Посидев еще немного на кухне, я тихонько взял в комнате шмотки, чтобы не будить Мутча, оделся и вышел из дома. Странно и занятно идти по городу в семь утра. Мороз в воздухе стеклом – ни ветерка. До занятий еще полтора часа. Можно дойти до универа пешком.

Я так жду весну! Ее запах настойчиво пробивается сквозь остекленевший воздух. Данчер сто лет назад написал песню на английском «It's Spring Again – I'm Young Again». Мы валялись со смеху, когда он ее пел под гитару. Вот и я по старой привычке связываю весну с переменами.

12 февр., вторн.

Вечером к нам зашла Линда. Принесла торт – лечить меня от хандры. Она, как всегда, жизнерадостна, что не очень вяжется с ее готическим имиджем. Мы слушали «Сплиновский» «Гранатовый альбом», вливая в себя чай.

– Дрон, от этого нытья тебе лучше не станет.

– Кума, не навязывай мне свои загробные серенады.

Мутча веселил наш разговор. Линда все-таки обалденная девчонка, хотя мы очень разные. Если бы меня спросили, с кем мне было тяжелее всего расстаться, когда я уезжал в Питер, я бы ответил: с Лин и с Данчером.

– Играешь где-нибудь? – подмигнул я.

– В «Фантоме». Слышал?

Я помотал головой.

– И славно!

– Что, чудики в черных сутанах, увешанные «анкхами» и раскрашенные, как жрицы любви?

Линда швырнула в меня ложку. Я поймал ее на лету.

– Очередной псевдоготический бэнд с ломаным английским и девичьими завываниями? – не отстал Мутч.

Лин сказала, что нам не удастся ее разозлить, как бы мы ни старались. Она относилась к тому замечательному типу людей, общение с которыми всегда в радость, а молчание не тяготит (за исключением утра после ее дня рождения, но это единичный случай).

Часов в девять Мутч куда-то ушел.

– За дозой? – шепнула Лин, когда за ним закрылась дверь.

– Не волнуйся, он не прячет дурь в моей квартире, – улыбнулся я.

– Можно подумать, ты искал!

Не нашелся с ответом. Когда молчание затянулось, я признался, что люблю, когда Лин меня навещает, и попросил ее заходить почаще.

– Дронов, ну тебя, вечно ты меня смущаешь!

– Извини...

Посмеялись, а потом стали говорить обо всем на свете, как ни в чем не бывало. Разве можно чувствовать себя одиноким, когда тебя окружают такие люди?

18 февр., пон.

Выходные прошли ужасно: так надоело лежать дома, захлебываясь кашлем! С удовольствием потащился в универ. Погода почти весенняя, свежий воздух мне на пользу.

В универе встретил Арсения. После лекций зашли ко мне, я накормил Сеню обедом собственного приготовления, далеким от совершенства, но гость неприхотлив. Мутч уехал на выходных, решил вернуться домой.

– А кто у него дома? – спросил Сеня.

– Мать, – ответил я, – отца он не знает. То ли он их бросил, то ли умер.

Честно, я рад, что он уехал – иногда не знал, как себя вести с ним, и это напрягало. Теперь есть возможность побыть одному. Можно позвать ребят, посидеть вечерком. Соскучился по ним.

В семь пришли Данчер, Линда, Сеня, Дэн и даже Риз. Кто-то принес пива и печенья (отличное сочетание!). Пока Дэн и Риз обсуждали философию Монтеня, Сеня с Данчером терзали старый телевизор, мы с Линдой ушли на кухню, и я спел ей слезливую муть, которую написал об Иоланте.

– Я немного завидую этой девушке, – прошептала Лин.

Не успел сказать, что завидовать не стоит. В кухню зашел Дэн и позвал в комнату – Риз уходит, надо проводить.

– И много у тебя еще таких баллад, колись? – спросила Линда уже в дверях.

Я пожал плечами, мысленно подсчитывая.

– Почему бы тебе не записать сольник? Откроешься с неожиданной стороны!

23 февр., субб.

Верная примета: если день начинается со стиха – все пойдет кувырком. В моем случае – с песни. Назвал ее «Город тающих лиц», но Данчеру и ребятам показывать не хочу.

Слова Лин о сольном альбоме не шли у меня из головы. Нет, не то чтобы я об этом никогда не задумывался. Было дело. И, разумеется, исключительно для себя – я вовсе не планировал открываться кому-то с неожиданной стороны. Я ж такой брутальный парень – и вдруг запою эту сопливую чушь! Мне стало интересно, каким меня видит Лин, какая именно сторона будет для нее неожиданной. Очень хотелось с ней поболтать, но как-то неловко звонить – все о себе да о себе...

Суббота, праздник, кабак «У Дрона» работает круглосуточно.

25 февр., пон.

В институте, где я учусь, много занятных людей, и в основном они сбиваются в шайки. Есть шайка отличников, которые считают себя умнее всех на свете. Шайка двоечников-завальщиков, которым на все плевать, но это не мешает им ненавидеть отличников. Шайка активистов, которые участвуют во всех общественных мероприятиях. Шайка музыкантов, которые точно знают, как извлечь звук из любой консервной банки. Также есть шайки модных девиц, пробитых рокеров, ролевиков... Короче, хрен знает что творится в вузах. Есть и отдельные личности, которые, по разным причинам, не примыкали к структурам. К таким относился и я. Есть и такие, которые успевали везде, в результате приобретали известность, которой позавидовал бы Оззи Осборн.

В моей группе мало народа. Еще меньше заслуживает внимания. Некоторые из шаек представлены очень ярко, например шайка ботаников, состоящая из пяти человек. Ходят на все лекции, все аккуратно записывают, считают себя героями, потому что поступили на такую-то факультет. Их ждет большое будущее: государство просто обязано обеспечить старательным студентам достойное существование с окладом в полмиллиона евро.

Как мне все это надоело – нет слов, одни буквы. Наверное, Сеня – единственный нормальный человек в этом болоте, но, к сожалению, он не в моей группе. Линда в том же корпусе на филфаке. Много читает иставляет мне книги, чтоб просвещался. Или пересказывал ей краткое содержание тех, которые сама не успевала прочесть.

С ними-то мы и встречались в столовке, на большой перемене, и, если получалось, вместе двигали домой.

На этот раз получилось – мы шли к автобусной остановке и о чем-то говорили. Точнее говорили Сеня и Лин, а я молчал.

– У Дрохи опять депрессуха, – подколот Астахов.

– Он весенний человек, зимой он всегда такой, – изрекла Линда.

– А, понятно... помочь никак нельзя?

Ответа Лин я не услышал – видимо, она пожала плечами.

– Ладно, придумаю что-нибудь! – шепнул Сенька с энтузиазмом.

Мне уже страшно. Он-то придумает!

28 февр., четв.

Моя жизнь поползла по скучной колее: институт, репетиция, дом... Никогда не думал, что меня это коснется. Умение Линды видеть необычное в обычных вещах, радоваться мелочам и создавать из ничего праздник восхищало и удивляло. Один день не похож на другой только потому, что в институте читали другие лекции, она ехала домой не в маршрутке, а в автобусе, слушала не «Сепультуру», а «Нирвану», одета не в синие джинсы, а в черные... словом, искусство, недоступное моему пониманию.

Сеня явился без приглашения. Не сказать, что я не рад его видеть, но его веселость и жизнелюбие сейчас меньше всего меня трогали. В отличие от меня, Сеня плохо переносил одиночество и обилие свободного времени.

Он вернул мне тетрадку со стихами, и я опять споткнулся о мысль об альбоме.

– Чувак, поэзия у тебя совсем не в том ключе, что мы играем! – поерзал на стуле Астахов. – Лирично так, романтично... Даньке не хочешь показать?

Я помотал головой. Поэзия! Скажет тоже! Самолечение и сопли. Но мне, конечно, хотелось комплиментов, а не критики. Астахов почесал мое эго, сказав, что сейчас ему такое катит. Я не стал вдаваться в детали о «сейчас», решив, что виной всему погода и авитаминоз.

2 марта, субб.

Когда раздался звонок в дверь, я со всех ног бросился открывать. Пришел сияющий Астахов с пивом. Мы расположились на кухне, перетирая последние новости, в основном, Сенькины приключения.

– Лучше б коньячку притаранил, – хмыкнул я.

Наивный Астахов выпучил глаза, восприняв мой подкол со всей серьезностью, но вскоре оттаял:

– Не время шас заливаться, дружище, подожди до вечера.

– А что будет вечером?

– Я выведу тебя в свет!

Фанфары и барабанная дробь. Только света мне не хватало.

– Не артачься, все решено. Я познакомлю тебя с настоящими людьми! Мы с Линдой познакомим.

Сеня ничего не хотел слушать про футбол вечером, про то, что я не желаю никого видеть и ни с кем общаться...

– Слушай сюда: если нестарый, симпатичный чувак сидит в субботу дома и ждет вечера, чтобы посмотреть матч, то... – Сеня повращал глазами, подбирая слова, – он находится в очень плачевном состоянии.

Спорить я не стал.

– А вы не могли бы оставить меня в покое? – спросил я, тая глупую надежду на положительный ответ.

– Нет, – Астахов был категоричен, – не можем. Особенно Линда.

Я засмеялся. Апостолы Петр и Павел были очень разными, особенно Павел!

– В восемь мы с Лин за тобой зайдем. Попробуй только удрать! И еще: приведи себя в порядок, все-таки...

Ровно в восемь Линда и Сеня пришли ко мне. Голову я вымыл, как и обещал. Напялил серый свитер и относительно новые джинсы. Линда выглядела необычно в длинной черной юбке и оранжевом вязаном джемпере, который красиво оттенял ее бронзовую кожу. Только Сеня верен себе и не потрудился сменить клетчатую рубашку на что-то более презентабельное. Уж не знаю, что это за «настоящие люди».

Место тусовки на отшибе, и ехать пришлось битый час. Найдя нужный обшарпанный дом, мы поднялись на четвертый этаж и позвонили в хилую дверь. Открыла молодая угловатая женщина и впустила в чистенькую тесную прихожую, заставленную обувью всевозможных моделей и размеров. В гостиной не протолкнуться, но оказалось, забиты и остальные комнаты.

Мы втроем плюхнулись в большое кресло. Линда рассказала, что квартира принадлежит супружеской паре – Маше и Владимиру. Они очень образованные интеллигентные люди, а это сборище – их друзья (и знакомые их знакомых). Собираются они тут регулярно и ведут фило-

софские споры. Кто-то из начинающих литераторов зачитывает рассказы или стихи, некоторые играют на рояле... в общем, понятно. Маша – троюродная сестра Линды.

Люди как люди: бледнолицые философы, пылкие мужланы, молчаливые астральные путешественники, самодовольные дамы, кутившие, как паровозы, и почему-то уверенные, что сигарета придает им экстравагантный вид. Глоток свежего воздуха я не ощутил, ни в прямом, ни в переносном смысле. Я общался и был открыт всему новому, но почему-то душа этого нового не получила. Зато старое накатило: здесь оказался Энди – гитарист, место которого я занял, когда он ушел из группы Данчера. Кажется, он совсем не рад встрече: смотрел волком и поздоровался сквозь зубы. Странно как-то...

Лин повезло больше: нашелся здесь не поймешь откуда взявшийся англичанин, над которым все издевались, но Линда его пригостила. Она прекрасно говорит по-английски и, не упуская возможности потренироваться, познакомилась с ним. Дэвид Колдуэлл, на вид лет тридцать, одет в бабушкин свитер и брючки со стрелочками, в лице ничего кельтского, но морда нерусская, видно сразу. Линда играла ему на рояле в соседней комнате и, по-моему, даже пела.

Сеня мило беседовал с крошкой-кудряшкой легкомысленного вида по имени Катя. Типичная неформалочка в шипованом кожаном барахле и с крашеными волосами.

Наобщавшись вдоволь, я пришел на кухню, где Маша напоила меня чаем. Вопреки Сениным ожиданиям спиртного не было. Маша не похожа на гениальную даму, которой плевать на внешность: маникюр идеальный, впрочем, как и прическа. Я отмечал эти детали бессознательно и, уж конечно, ни с кем ими не делился – просто в юности меня сразила мать, и потрясение до сих пор свежо в памяти. Всю жизнь я думал, что у мамы рыжие волосы и красивая фигура, но оказалось, волосы она красила, а фигуру утягивала и носила лифчик с каким-то там эффектом... Короче, чтоб грудь казалась больше, чем на самом деле. Почему-то я рассказал об этом Маше за чаем.

– А можно спросить, как ты это узнал? – отсмеявшись, спросила она.

– Просто увидел в ванной этот несчастный лифчик и краску для волос.

Маша стала хохотать пуще прежнего. Да, хорошенькая интеллектуальная беседа!

– А хочешь, по руке погадаю? – подмигнула она.

Я согласился – никто мне раньше не гадал. Маша долго рассматривала мою ладонь, бубня непонятности про холмы Венеры.

– Это руки не интеллектуала.

– Я и не претендую...

– Это руки артиста! Художника. Или человека, как-то связанного с искусством.

– Что, мозоли на пальцах? – засмеялся я.

– Да нет, – отмахнулась Маша, продолжая изучать мою лапу, – и пальцы, и форма ногтей, и запястья... короче, все. А еще, друг мой, ты очень умный!

Я покотился со смеху. Вот уж не ожидал!

Предсказывать мне судьбу Маша не стала – этого она еще не умеет. Что ж, сам узнаю, когда придет время.

Линда и профессор Колдуэлл, наконец, перестали щебетать, и подруга вернулась в мое неинтеллектуальное общество. Колдуэлл – именно профессор, ибо в Англии любого институтского преподавателя называли профессором, будь он хоть ассистентом. Математик, в общем. Точнее, инженер. У него какие-то дела с нашим КБ.

3 марта, воскр.

Что-то подсказывает, что в группе я не задержусь. Все хорошо, отношения с ребятами всегда были нормальными, возможность реализоваться есть, но... что-то мучает, сам не знаю, что. Наверное, дозреваю до сольного проекта. До «неожиданной стороны», будь она неладна.

Хорошо бы ее увидеть самому – я смертельно устал от себя, жующего сопли и оплакивающего невзаимную любовь и порушенную славу в любимом городе. Хочу писать свои песни и играть их, неважно, нравятся они еще кому-то или нет. Надо освободиться от груза на сердце – записать, что накопилось, и забыть.

Надо поговорить об этом с Линдой, она всегда меня понимает. Если надумаю записывать альбом, на ее помощь могу рассчитывать стопроцентно. Сенья, думаю, тоже не откажет с ударными, если я не заставлю себя прописать их. Могу, конечно, все сам сделать. Возможно, именно с лиричными и романтическими песнями так было бы правильнее всего. А уж если я не поленюсь хлопотать насчет концертов, надо привлекать ребят. Причем, энтузиастов – платить сессионщикам нечем.

Я названивал Лин весь вечер, но она не брала трубку.

4 марта, пон.

Сенья с Катей шли мне навстречу, когда я выходил за ворота института. Меня не покидала мысль, что они не смотрятся вместе. Домой шли вдвоем, и девчушка почему-то проявила недюжинный интерес к моей персоне, засыпала меня вопросами, на половину из которых отвечал Арсений. Ее удивляло, что я ушел из дома в семнадцать лет, что жил в Питере год, потом отслужил в армии, поступил в ЛГУ, а через два года вернулся сюда.

– А на что живешь? – спросила Катя.

– На стипендию.

Она недоверчиво хмыкнула.

– А еще он пишет фонограммы, минусовки, миксы для танцупов и делает классные аранжировки, – пропел Арсений, – хороший минус кучу денег стоит!

Я отвернулся, чтобы не рассмеяться. Про пацанов, которых я порой учу терзать гитару, слава Богу, промолчал.

Через некоторое время безмолвной прогулки (лишь подобие снега хлопает под ногами), Катя спросила, кокетливо склонив голову и улыбнувшись:

– А почему ты такой немногословный?

– Он – настоящий викинг, – отколол Сенья.

Катя кивнула. Забавная она, как Цоевская восьмиклассница.

Дойдя до своего дома, я молча махнул им рукой. Даже улыбнуться не хотелось. Не было настроения ворошить свою биографию, да и открывать душу незнакомой девчонке, которая смотрит в рот.

5 марта, вторн.

В столовке, на большой перемене, захлебываясь слюной, Сенья рассказывал, что вчера видел Линду «с этим англичашкой».

– Нет, ну представляешь?! Идут себе по проспекту, щебечут на английском, бла-бла-бла, бла-бла-бла... так и воркуют!

Я смеялся от души. Сенька учит немецкий, он чужой на празднике жизни!

– Ну, тебе-то что? Может, это тот, кто нужен Лин. Может, это ее судьба?

– Э, нет, друг мой, ты неверно рассуждаешь. Этак он ее и в Англию увезет!

– Ну, если ей захочется, пусть везет.

Хотя, я буду ужасно скучать...

– Мы национальное достояние не отдаем! – горячился Сенья.

Что это он так за Лин беспокоится? Никак влюбился?

– У тебя же Катя есть.

Астахов скривился:

– Это так, время провести. Кстати, ты ей жутко понравился. Отбей ее у меня, ради Бога!

Вот еще – чтобы молодежь сопленося мне на шею вешалась!

Жаль, сегодня нет Лин, вместе бы посмеялись. Надо бы ей позвонить.

Сенька предложил на восьмое марта сходить на концерт Escape в местный гадюшник с гордым названием «Стилет». Что ж, можно и сходить. В этой группе раньше играл Риз. С тех пор как он от нас ушел, я ничего о нем не слышал. Интересно, как он. Музыка не помогает? Могу поспорить – зачастую только она и помогает.

6 марта, среда.

Вечером Линда сидела у меня на кухне и в очередной раз выслушивала мое нытье. Я рассказывал о своих сомнениях относительно группы.

– Насчет ухода, я бы не торопилась. А альбом можешь записывать хоть сейчас – группа тебе не помешает.

Все правильно, конечно, я и сам так думал, но времени мало: свалилось несколько заказов на минуса.

– Данчер огорчится, если ты уйдешь, – нахмурилась Лин,

– Не впервой. Он знает, что я эгоист.

– А всегда ли тебе от этого хорошо?

Дельный вопрос. Частенько мне это боком выходит. Иногда я думаю, если бы чуть-чуть подождать, не горячиться – всем было бы лучше. Как не хватает Линдиной выдержки!

– Замену тебе найти нелегко. Разве что Энди позовут? Но он гордый, откажется.

Первая фраза польстила мне так, что я не сразу расслышал остальные.

– Он же сам ушел, чего гордиться?

Я припомнил нашу встречу у «настоящих людей». Раньше с ним особо не общался, и теперь не потянуло. Не понимаю, почему он на меня ослабил.

– Поделиться с тобой своим творчеством? – сменила тему Лин. – В прошлом году альбом записала...

– И молчала?!

– А что говорить? Сам услышишь. Кустарщина! Только я не хочу, чтоб его слушал еще кто-то. Даже Арсений.

На этот счет я ее успокоил: тайны я хранить умею.

7 марта, четв.

В универе короткий день, все носятся с завтрашним праздником. Я сидел в столовке с Сеней и Линдой, закусывая чай сникерсом. Сеня постоянно подкалывал Линду насчет Дэйва. Не подозревал его в таком изощренном сарказме! Лин мудро не обращала внимания. А тем временем, мистер Колдуэл уже стал Дэйвом. Естественно, я желаю Лин счастья, но все-таки будет жаль, если она уедет. Впрочем, до этого еще далеко! Так я думал до тех пор, пока мы не вышли на улицу. У ворот института Дэйв ждал Линду. Да-а, неужели все так серьезно?

Пришел домой и поставил диск Линды. Она даже обложку сама нарисовала. На ней изображена чья-то рука, сжимающая клинок, который посередине раздваивается, и из раздвоенных гнутых железок выглядывает голова дракона. Фон – темно-зеленая кирпичная стена, подсвеченная факелом. Клавиши, бас-гитара и флейта записаны Линдой. А больше на альбоме ничего и нет – только аранжировки, сделанные на синтезаторе и на компьютере.

На диске тринадцать песен. Некоторые спеты под фортепиано, другие представляли собой сочетание бас-гитары и флейты. Были и «натехнареннее» – нечто этно-нью-эйджевое. Пара инструменталок, в коих сочетались клавишные трели и соло на басу, флейта и прописанные на компьютере ударные.

Тексты поражали красотой и яркостью – не ожидал от Линды столь филигранной поэзии. То женственные, то жесткие, будто написаны зрелым, решительным мужчиной. Манера

исполнения то нежная, то резкая и экзальтированная, то кричаще-рычащая, а то голос звучал настолько чисто и высоко, что удивляешься безграничности талантов этой девушки. Как ей удалось с минимумом инструментов создать такую картину? Это продуманная эклектика, потрясающая глубина и многогранность.

Я в шоке – скорее от созерцания души, которая мне открылась. И от сознания того, что этого человека я знаю уже лет десять, но даже не догадывался, какой он потрясающий.

А еще я немного приуныл, задумавшись о собственном проекте. Вряд ли у меня так получится. Я всего лишь гитарист, причем сценический. Концертный драйв всегда был мне милее, чем студийная работа со звуком. Признаться, минусовками я занялся от безденежья, они на меня тоску наводят. Если же возьмусь за сольный альбом, такого шикарного результата мне не видать. И это обидно.

Кстати, альбом называется Vertigo («Головокружение»). Справедливо!

Я отправил смску Лин с единственным словом: «Мастер!!!» Может, банально, но не буду же я ей по телефону отсылать свою рецензию! Да и на тот момент слов у меня не нашлось – одни эмоции, которыми хотелось поделиться.

8 марта, пятн.

Насыщенный денек.

Утром поехал к своим, поздравил маму и сестренку – Женьке восемь лет, я с трудом сообразил, что подарить ребенку. Она родилась, когда родители сошлись после развода. Мне было пятнадцать, по-моему...

Маме подарил что-то из косметики – по совету Лин и с ее помощью в покупке, а Женьке – огромного серебристого слона, похожего на Дамбо, но без шапочки. Вроде обрадовалась.

Мы посидели на кухне, попили кофейку, а потом пришли мамыны подружки – еще нестарые тетки (маме было семнадцать, когда родился я). Разговоры в основном о работе, курортах, реже о детях, но много о мужьях. И о мужчинах вообще. Ничего лестного я не слышал, но потом тетки вспоминали о моем присутствии и начинали выпрашивать о моей жизни, делая вид, что им интересно. У всех дети куда моложе, а иные ими еще не обзавелись – видимо, негласно маму считали глупышкой, что родила так рано, всю жизнь себе сломала. Противно стало – ушел раньше, чем планировал. Женька проводила меня до остановки – единственный человек в этом доме, который мне рад.

Ровно в семь я приперся к клубу – обшарпанному зданию, у которого толпился разодетый в кожу и атрибутику пипл. Линда с Дэйвом – шок для всех. Англичанин светился счастьем, а на Лин смотрел тааааак... понятно, мужик поплыл. С Сеней была Катя, как я и ожидал. Чувствовал себя пятым лишним. И так настрой фиговый, а тут и вовсе испортился.

Концерт слушали в пол-уха. Сеню бесила иноземная речь Дэйва и Лин. Я нормально понимал Дэйва, но говорить с ним не тянуло. Зато со мной активно общалась Катя. Сеню ситуация взбесила окончательно, и он ушел домой сразу после концерта, попросив меня проводить его герлу, а потом зайти к нему – рассказать, что произошло после его ухода.

Когда Катя начала меня раздражать, я тоже решил свалить, прихватив ее с собой – надо ж проводить! Мы шли по слякотной улице, вдыхая аромат грядущей весны – едва уловимый, но долгожданный.

– Может, зайдем к тебе? – вдруг предложила моя спутница.

Я чуть не сел в ближайший сугроб. Боже, в каком приюте ее воспитывали?!

– А тебе не хватило общения за вечер?

– Просто хочу посмотреть, как ты живешь...

Мы шли молча какое-то время.

– Ладно, не сердись, – наивным тоном нарушила тишину Катя, – мне правда интересно.

– В другой раз, – буркнул я.

Наконец, я избавился от нее, проводив до самой двери. И помчался к Сене, кипя, как электрочайник.

Сенин дом в частном секторе, добираться довольно долго, тем более, в праздник. Они с отцом живут вдвоем, поэтому помешать кому-то трудно. Сенькин отец – мужик с понятием и никогда не запрещал сыну приглашать друзей хоть на всю ночь.

– Ну что?! – встретил меня Астахов.

Я понял, что он о Линде. А что сказать? Они ушли почти вместе с нами.

– Куда?

– Откуда я знаю, – попытался отмахнуться я, – я не слышал их трепа.

– Ну хоть что-то уловил, скажи!

– Понял только слова «пройтись», «вечер», «холодно» и «отель».

Сеня произвел нехитрую операцию в воспаленном мозгу и решил, что они поедут к Дэйву в гостиницу. Он нервно бегал из угла в угол просторной гостиной, я почти засыпал в кресле. Сенька точно влюбился в Лин – иначе с чего так волноваться? Она большая девочка, сама разберется, что делать и как жить.

– А я так не считаю! Может, он ее заставил с ним поехать! Может, он вообще маньяк! Чего это его среди зимы в Россию занесло? Ты об этом подумал?

– Вид у нее был вполне довольный и веселый...

Это добило Сеню окончательно. А уж как его реакция добила меня!

– Ну, поезжай к нему в отель и набей морду!

– А что, это мысль! – оживился Астахов. – Ты побудь здесь, можешь даже ночевать остаться – свободная комната наверху. Я постараюсь недолго.

Сеня действительно взял у отца машину и исчез. Я ошалело уставился в закрытую дверь, пока не пришел дядя Саша и не позвал попить чайку. Я соскребся с кресла и поплелся на кухню.

Тут произошло нечто: в комнату вломился Сеня, вслед за ним – Линда. Сенькина штанина была порвана на коленке – оказалось, он наткнулся на Лин у гаража и с перепугу налетел на воротину, порвав джинсы листом жести. Лин ни в какой отель, оказывается, не собиралась – они просто говорили о гостинице, в которой Дэйв остановился, и о том, что там холодно, особенно в такие зимне-весенние вечера, когда отопление слабое. Пройтись она намеревались до остановки. Оттуда же и поехала к нам – слышала, как Сеня меня приглашал.

Я умирал со смеху, дядя Саша слушал этот бред, раскрыв рот, Сеня наезжал на меня за неправильный перевод, а Лин качала головой, как мудрая сова. Потом Сеня принялся гонять по дому в поисках иголки и ниток, Лин предложила зашить ему джинсы, но он гордо отказался. Я пошел наверх в отведенную мне комнату и лег спать, не узнав, чем закончилась история.

9 марта, субб.

Проснулся часов в десять. Сначала не понял, где нахожусь, но потом вспомнил. Сеня дрых на кресле-кровати. Оказалось, Линда заняла его комнату – Астахов не выпроводил девушку одну в ночь.

Мы втроем позавтракали, вспоминая вчерашнее, смеялись от души. Только Сеня был мрачен. О том, что он собирался ехать в гостиницу бить Дэйву морду, мы Линде не сказали.

Я собирался домой, работать над минусовками, и попросил Лин зайти ко мне вечером: есть потребность поделиться впечатлениями от ее альбома.

Уже в семь понабежало столько народу, что я за голову схватился. Комнатушки отчаянно не хватало, чтобы вместить всю компанию и не сойти с ума от трепа с пяти сторон. Мы с Лин пошли в ванную (а что делать?). Я сел на бортик ванны, Лин – на крышку унитаза. Из комнаты орал Kreator.

– Ну что? Начинай громить!

Мысли разбегались. Я уж было подумал – а не взять ли дневник и не зачитать оттуда? Начал говорить что-то про Линдино понимание музыки, прежде всего, про некую сакрализацию, про многоплановость – чувствую себя как на экзамене, когда что-то метешь, не зная предмета. Лин слушала внимательно, лицо ее менялось после каждой реплики, и я, исходя из этого, делал выводы об уместности высказывания. Тут дверную ручку кто-то дернул, но дверь, естественно, не поддавалась. Тогда в нее вежливо, но настойчиво постучали.

– Идите в сад! – рявкнул я.

– Ребят, мне правда надо, – жалобно протянул Риз, – ну очень надо...

Я соскочил с насиженного места и открыл ему дверь. Нам с Лин пришлось уйти. Однако оставаться в гостиной или в спальне – это одно и то же – просто невозможно, и мы решили прогуляться. Погода не располагала – моросил противный дождик.

Выйдя на улицу, мы быстро зашагали по тротуару, чтобы не замерзнуть. Лин поторопила меня с высказываниями, а то нервы не выдержат. По ней никогда не видно, переживает ли она хоть о чем-то, тем не менее, ни одно чувство не останется заурядным в таком сердце – теперь я это понимал, как никогда. Запинаясь и заикаясь, я передал Линде все, что надумал о ее сольном творчестве.

– Что ж, спасибо на добром слове, Вадик, рада, что тебе понравился этот салат, – я слышал, она улыбалась, – мне очень приятно. Даже не представляешь, насколько.

Меня прошибло от этого «Вадика».

Вроде все обсудили, но домой не хотелось – что делать в этом зоопарке? Зашли в кафешку. Тихо и светло, пахнет кофе и сдобой. Столик у окна, за фикусом.

– Теперь ты мне кое-что скажи, – заговорил я, сделав заказ, – почему ты решила записать альбом?

– То есть? – усмехнулась Лин.

Я удивлен необходимостью что-то объяснять такому человеку. Оказалось, это особенно приятно.

– Мотивации бывают разными. Не можешь реализоваться в своей команде, хочешь утереть кому-то нос или душу облегчить. Второе исключаем. Может, есть еще причины?

На какое-то время она задумалась.

– Слышал бы ты, что играет «Фантом»! Какая уж тут реализация внутри команды! – она рассмеялась. – Наверное, в большей степени мне хотелось поэкспериментировать. Доказать самой себе, что я могу. Уметь играть – одно, а работать со звуком – другое. Обычно этим занимаются мальчишки. Вот мне стало любопытно, получится ли у меня, гуманитарной девочки, воплотить свои замыслы без посторонней помощи. Это был принципиальный момент – я даже брата не напрягала.

Признаться, не ожидал такое услышать. Лин, конечно, догадалась о моих наполеоновских планах. И я, скрипя сердцем на все кафе, поделился, что мотивация у меня другая.

– Я вижу, тебя что-то мучает, – она постучала пальцами по столешнице, – хочешь узнать, принесет ли творчество облегчение?

Я кивнул. Мы молчали, пока официантка сгружала с подноса кофе и пирожные.

– Польза будет, однозначно. Пожалуй, даже в большей степени, чем ты ожидаешь. Впрочем, понты тоже бесполезны. В смысле, ставить цели и добиваться их. Благоотворно влияют на самооценку.

Посмеиваясь, я попытался вытянуть из Лин, как проявляется эта моя угнетенность.

– Да никак особо, – она поставила чашку на блюдце, – но логично: если бы все было в порядке, ты бы не вернулся.

Да, верно. Когда я начал тонуть в своих размышлениях и воспоминаниях, Лин выдернула меня назад:

– Я рада, что ты вернулся.

Выспросить о Дэйве я решил не потому, что считал момент подходящим, а дабы сменить тему.

– Он умный и хороший человек – сказала Линда, – с ним интересно общаться, по-английски тем более.

Хм, я не о том. Уже второй раз за вечер она не поняла меня. Или сделала вид, что не поняла.

– Ты его любишь? – прямо спросил я.

Лин выдержала паузу, постукивая ложечкой по блюдцу.

– Я его уважаю и общаюсь с ним как с другом.

Сдается мне, что Лин для него не осталась просто другом. Ему тридцать два года, и божится, что на родине у него нет дамы сердца.

Вернувшись домой один, застал там Сеню с Катей. Мечта пигалицы осуществилась – увидела, как я живу. Долго и с любопытством разглядывала колонки, провода, гитары, листы с табулатурой, упаковки со струнами, болванки, чехлы и медиаторы. Есть у меня миди-клавиатура, подключенная к компу. Комп – старая развалина, отец отписал после покупки нового. «А на этом говне пускай Масыня ездит!»

Я открыл две бутылки пива – себе и Сене, Кате даже предлагать не стал. Пьянство дам не красит, тем более, таких кнопок. Хотя, накрашена она так, что выглядит лет на тридцать. Кожаные брюки позволяют любоваться попкой и стройными ножками, а кофточка она носит с глубоким вырезом, несмотря на нежаркую погоду – пышный бюст так и вываливался. Весьма дешевые уловки. Хотя, я не железный и не старый! И на любви давно пора поставить крест.

Часов в одиннадцать они ушли. Такое чувство, что Катюша рада была бы на ночь остаться и спать в моей постели. Греть об меня ноги холодной мартовской ночью. Ну уж нет!

11 марта, пон.

На кухне романтично-сумрачно в ранний час. Налил себе крепкого чая и сел у окна. Видимо, похолодало: падает снег. Будто Новый год, и, как дите малое, ждешь чудес, которых никогда не было. Ничего не менялось в суматохе. А вот в тишине жизнь поворачивалась на сто восемьдесят градусов, и сносила со всех ориентиров.

В универ не хотелось, да что я там забыл? Приходил, отсиживал несколько пар и уходил. Друзей не нажил, есть хорошие знакомые. С Лин или Сеней могу увидеться и дома. Нравилось, конечно, пить чай в столовке. Особенно уютно, когда день пасмурный или дождливый. Или когда в универе прохладно – чай вкуснее в сто раз, и хоть немного просыпаешься.

Еще я полюбил гулять по городу на большой перемене. Когда погода солнечная и на улице тепло, конечно, приятнее, но и в дождливой осенней или весенней погоде есть свои прелести, как в ощущении потерянности и одиночества. Идешь себе по городу, любуясь унылым пейзажем после нудной лекции. Всматриваешься в лица прохожих из-под козырька кожаной кепки, ища знакомых или изучая случайных встречных. В плеере играют Oasis или Pink Floyd, и от этой музыки становится теплее и светлее.

Сидеть на лекциях тоже весело, особенно если есть, чем заняться: написать новый стих, послушать музыку, порисовать, посмотреть в окно. В общем, иногда студенческая жизнь мне нравится. Если б еще не вставать в такую рань и не давиться в транспорте в час-пик, было бы отлично.

12 марта, вторн.

Сенька разул мне глаза. Оказывается, Энди не сам ушел из группы – его попросил Данчер. Мой дорогой друг, лучший на свете Данчер. Ему хотелось поддержать меня, когда я с позором вернулся в родной город. Он понимал, как мне паршиво и одиноко, как важно мне вновь поверить в себя и вернуться к музыке, чтобы отвлечься от мелодрам. И все об этом знали:

и Дэн, и Лин, и Риз. Все, кроме Астахова – тому сказал сам Энди на сходке у «настоящих людей». А он сболтнул мне. Прикольно за ним наблюдать, когда он понял, что проговорился: будто щенок плюхнулся в лужу и окатил водой сидящую рядом кошку.

– Дрох, ну ты не переживай...

Теперь ясно, почему Энди на меня окрысился. И видит Бог, я не хотел наживать себе врагов, не хотел переходить кому-то дорожку или кого-то теснить. Мешать чьему-то творческому самовыражению.

– Ну че, как Мастейн из «Металлики», – продолжил Астахов, ерзая в скрипучем кресле, – соберет свою банду, все у него будет.

А у меня разве не было бы? Разве я не смог бы все сделать сам? Но прийти к Данчеру и навешать на него всех собак за добрые дела и искреннее сочувствие я бы не смог. Мне действительно нужно было тогда вернуться к ним. Почувствовать, что я еще на что-то годен, что я чего-то стою и кто-то в этом городе мне рад. Это было необходимо. По совести, я никогда не думал ни о Даньке, ни о группе. Остался в Питере, потому что захотелось, потому что нечего было терять. Группа – это здорово, мы друзья навек, но главным для меня была музыка, и ее я мог играть с кем угодно. Данька никогда не планировал переезжать в другой город. Слава и деньги его не пленяли, да и не верил он в это. Надеялся поднять культурный уровень там, где родился. Он пожертвовал классным гитаристом, чтоб самооценку мою из-под плинтуса вытянуть, а я вместо благодарности намыливаю лыжи – сольник буду записывать, адью, ребята!

– Ой, Сеня, как же мне хреново! – я буквально взвыл, обхватив голову руками, стоя посреди комнаты.

Кажется, все, к чему я прикасаюсь, превращается в прах, все, кто меня любит – страдают. Одни разрушения от несусветного эгоизма и горделивой импульсивности. Многое произошло, но я так ничему и не научился.

14 марта, четв.

В доме темно и пусто. Никто не слышит и не подслушивает. Ты и музыка один на один, вы – единое целое. Ты сначала не понимал людей, которые любят играть на публику – все равно, что душу наизнанку вывернуть перед толпой. Люди, которые расценивали талант как средство для достижения низких целей, вызывали отторжение. Музыка для тебя – нечто сакральное, интимное, нечто настолько личное, что открыть это кому-то крайне тяжело.

Потом втянулся и даже начал рисоваться своим талантом. Подкармливать эго.

Но вот ты один. Вокруг темно. Ты закрыл глаза, давая возможность музыке рисовать картины, ни на что не отвлекаясь. Это твои картины – ты создал их своими руками и красками из семи нот.

Перед тобой проносились луга и леса, вода и небо, блики огня, весна и осень, вереница лиц, и ветер, и дождь, и голоса... шорохи, шепот, шелест, шипение. Ты выпал из реальности. Перестал существовать. Ты сам превратился в нечто эфемерное и парил над миром, сливаясь со своей музыкой высоко, в призрачном эфире, и таял с отголоском последнего аккорда...

Ничто на свете не бесит меня так, как звонок в дверь (и по телефону), когда я играю. И остается каких-то два соло до конца! Это как вспышка света среди ночи, когда мирно спишь. Наверное, я даже зарычал от досады и отбросил гитару на кровать. Щас урою того, кто пришел!

На пороге стояла Катя! Рrrrrr!!! Я старался быть воспитанным. Что ей понадобилось, да еще в такое время?

– Просто захотелось тебя навестить... Я думала, здесь, как всегда, полно народу, и я не помешаю.

– Я один, – буркнул я.

Я знал, что никакого смущения она не чувствует – просто пытается состроить из себя скромницу.

– Заходи, – я отошел от проема и пропустил ее.

Весело смотреть, как она нарочито медленно разувалась и изящно снимала куртку. Я даже простил ей вторжение в музыкальные пространства.

Свет горел только на кухне, где мы и расположились. Я налил чая. О чем будем говорить? Что у нас общего? О «настоящих людях», о Сене, о музыке? Я узнал, к «настоящим людям» Катя попала случайно: пришла вместе с парнем, с которым потом рассталась, но ходить к философам не перестала – прижилась. Сеня Кате нравился только как друг – она призналась, что они и не целовались ни разу. В музыке Катюша предпочитает готику, дум-готику или что-то типа этого: Macbeth, Sunterra, Evenfall... Из великого множества моих любимых групп она знала только Metallica и Nirvana – их, наверное, невозможно не знать. Чуть более легендарные Rainbow, Sabbath и Led остались для Кати неизвестными. Такое впечатление, что человек не сам выбирает музыку, а слушает то, что ему навязали либо мода, либо компания.

Она попросила сыграть что-нибудь. Оказалось, это легко и приятно – она абсолютно не слышит ошибок, таращится на мои руки с видом знатока. Уморительная девчонка. Я играл кое-что из репертуара Армика и Сантаны – она о таких не слышала. Конечно, я не выдавал чужие работы за свои, но видимо, мои лекции ее утомили. Она засыпала на моей кровати.

Я отставил гитару в угол, сел рядом с Катей. Мы долго смотрели друг на друга молча. Она улыбалась – немного кокетливо, а я почти беспристрастно и нагло разглядывал ее.

– Сколько тебе лет? – Не хочу, чтоб меня привлекали за соращение малолетних.

– Восемнадцать, – ответила она, – можешь не волноваться, Дрончик.

Была мысль сказать, как меня на самом деле зовут – передумал. Зачем? Еще перепутает с кем-нибудь.

Так она и осталась у меня. И всю ночь я слушал про себя только хорошее, был согрет чужим теплом и кому-то нужен...

15 марта, пятн.

Катя проснулась рано и разбудила меня, собираясь на работу. Я даже не знаю, где она работает! Подумал об этом сквозь сон и не придал значения. Надо ли вставать, чтобы ее проводить? Не знаю, но ужасно не хотелось – я и так спал три часа. Слышал, как она возилась на кухне, зажигала газ, гремела посудой... освоилась! Шустра, ничего не скажешь.

Часа в три зашел Сеня – ему интересно, почему я в универ не пришел. Не знаю, стоит ли ему сказать, что «его» девушка затащила меня в постель. Решив, что мы все-таки друзья, я рассказал. Сеня сотрясал смехом стены моей квартиры битый час:

– Ну, Катка! Во дает! А я всегда говорил, что девкам только одного надо! И что она теперь, жить у тебя будет?

Я поперхнулся чаем. Жить?! У меня?! Катя?! Да чтоб мне...

– Ну лана, не кипятись. У нее с родителями проблемы, дома че-то не ладится, вот, может, она и надеется к тебе перебраться – у тебя же хата свободная. Тока мы тут иногда тусуемся.

До меня начало доходить. Осёл я! Девкам только и надо, что нас в постель затащить, а мы, идиоты, «затаскиваемся»! Ну, нет, так дело не пойдет!

– А что, соблазнил девицу – теперь отвечай! – хохотал Астахов.

– Скажи еще – женись, – буркнул я, – не мог раньше предупредить насчет ее семьи?

– Откуда ж я знал, что вы так быстро... э-э... сблизитесь!

Вечера я ждал, будто смертной казни. Мне чудилось, что вот-вот в дверь позвонит Катя и с чемоданом в руке войдет в мою холостяцкую хибару. Сеня, видя мое напряжение, гоготал и приговаривал:

– Ну лана тебе, ты же с детства был добряком – всех бездомных собак и кошек домой тащил, на радость маме. Вот и приюти бедное дитяtko, несчастную девочку...

– В каждой девочке еще с колыбели зреет хитрющая баба, – вспомнил я цитату из «Валькирии», – если б она по-человечески попросилась пожить недельку-другую – неужто я бы ее не пустил? Нет, обязательно надо таким способом добиваться своих целей!

– Ах, она бессовестная!

Ему смешно, а мне противно – будто сам себя предал. Любовь свою предал – чистую и настоящую. И нечего оправдываться, что физиология, инстинкт и прочее все равно возьмут верх над разумом. Идиот я, короче.

Катя не пришла. Она умнее, чем я думал – выжидает.

16 марта, субб.

Утром в дверь позвонили. Я подпрыгнул, как ошпаренный. Какое-то время думал, открывать или нет.

Это мама с Женькой. Вот так номер!

– Мы даже телефона твоего не знаем, – сказала мама, – вот и наведались без приглашения. Женька соскучилась.

Эх, по Женьке я и сам соскучился – подхватил ее на руки и закружил, а она смеялась до визгу. И хорошо посидели, попили чая с принесенным тортиком. Вот был бы прикол, если б они пришли, а тут Катя в моей кровати лежит, ноги из-под одеяла торчат! Я дал маме номер телефона, чтоб она звонила перед тем, как прийти – на всякий случай.

17 марта, воскр.

На меня снизошло озарение – точно решил записать сольный альбом, определился с песнями, некоторые даже понял, как делать. Не в силах сдержать эмоций, позвонил Линде, разбудил ее, но она меня тактично выслушала и обещала помочь, чем может. Она может! Кто кроме нее?!

Вечером, как обычно в воскресенье, вся тусовка собралась у меня. И Катя пришла, одна. Сеня хитренько так заулыбался, а у меня аж сердце зашло. Видно, не получится с Лин пообщаться – она явно что-то заподозрила, даже не подходит, не навязывается якобы. Эх, до чего ж проницательный человек! Лучше б она у меня на шее повисла.

Когда все начали дозированно расходиться, осталась в числе немногих Катя. Так, ночевать надумала. Лин и Сеня ушли вместе – значит, Астахов расскажет ей все по дороге. Вскоре об этом будет знать весь институт (хотя, там моя личная жизнь никого не интересует) и ребята в гараже у Данчера – те судачить начнут. Если б Катя была из музыкальной среды или знакомой чьей-нибудь – так нет, приبلуда какая-то! Да если б я ее любил – не волновало б ничье мнение.

Когда мы остались вдвоем, не она стала мне рассказывать о проблемах – сначала высказался я. Сказал, что не хочу продолжать наши отношения, что все произошедшее – случайно и т. п.

– Я так и поняла, не маленькая уж, – кивнула Катя.

Помолчали. Я не знал, что сказать, а Катя сидела с подавленным и отрешенным видом.

– Ну а сегодня переночевать у тебя можно? – спросила она. – А то отец опять нажрался, как свинья – противно домой возвращаться...

Ну что тут скажешь? Она осталась – я же добрый, как заметил Сеня.

18 марта, пон.

Утром она свалила на работу, а я все-таки пошел в институт ко второй паре. Отсидел на двух семинарах, поболтал с Сеней и Лин в столовке – ненавижу их заговорщицкие взгляды и то, как Лин опускает глаза и улыбается, когда спрашивает: «К тебе можно зайти-то?». Раньше заходили без приглашения, хотя у всех мобильники. Мы жили по старой моде, когда в гости к друзьям ходят без предупреждения.

Видимо, перетерли они с Астаховым вчера меня и Катю. Боже мой, я до сих пор не знаю, где эта Катя работает, какая у нее фамилия, что у нее с семьей! О чем Сеня с ней говорил – ума не приложу. Он, без сомнения, болтливее меня. Вот вчера Катя рассказывала о том, как сдавала экзамены, как прошел выпускной в школе – воспоминания свежи, а для меня школа – нечто далекое и мелкое. Никогда ее не любил и надеялся поскорей смотаться оттуда. Если б я ей рассказывал про то, как сдавал экзамены в институте (а приколов можно вспомнить немало) – она бы до утра не заснула. Но эти темы исчерпываются за один-два разговора.

Домой не хотелось. Я шлялся по городу бесцельно и почти не различая дороги. Зашел в гараж, от которого у меня есть ключи – Данька доверял как самому дисциплинированному. Он знал, что мне не придет в голову устроить там оргию или переломать инструменты.

Удивительная атмосфера в этом гараже – уютная, спокойная. Торжественно блестит Сенькина установка. Данькина басуха в черном чехле, а Дэнова гитара – в джинсовом. А вот и моя темно-синяя старушка «Aria Pro-2», как всегда, без чехла – вечно как попало бросаю, не дорожу милым сердцу старьем. Не раз Данька мне говорил об этом – мол, надо гитару в чехле держать, мало ли что... все без толку. Мама всегда говорила, со мной невозможно.

Я вскипятил незаменимый электрочайник и сел на диван. Давно не был здесь один. Забыл, как тут здорово. Можно даже ночевать остаться – Катя, небось, придет. Не дал ей дубликат ключей. И не дам.

Выпив чай, я прилег на диван – старый, но удобный. Эх, Данька, пропадут твои таланты руководителя с такими оболтусами! Ты б за собой полмира повел – их только накорми и создай условия для работы, а уж они для тебя что хочешь сделают. Не приказывай, а попроси похорошему – вообще на руках носить будут. И знал это Данька получше моего да умел как никто найти подход к человеку, сам при этом оставаясь человеком, ни под кого не прогибаясь, не подстраиваясь. Умница малый, что сказать...

Неудивительно, что Энди не хотел уходить. Нет, не надо об этом думать! Только не сейчас!

Незаметно я задремал. И дивные сны мне снились! Весна, лес, зеленое все вокруг, яркое. Солнце меж деревьев лучами путается, сияет, зовет куда-то... Я шел за ним, шел – только руки свои вижу, как ветки отодвигают, не со стороны, а будто наяву. И вдруг вышел на поляну, а на поляне той – озеро. Вода синяя, как лепестки васильков, чистая, как хрусталь. И хотел я прыгнуть в эту воду, да заметил вовремя, что на солнце она как-то странно блестит. Подошел, посмотрел и ужаснулся – вода покрыта тонкой корочкой льда. Так я и сел на берегу, изумленный диву неслыханному – как же так, все цветет, а вода замерзшая, да под самым солнцем? Провел ладонью по ледяной пленочке – и обожгло руку холодом, ясно почувствовал, хоть и во сне. Не играли лучи в волнах замерзших, а отражалось в воде солнце, как в зеркале – неподвижно и мертво.

Я проснулся внезапно и резко. Хорошо, в воду не прыгнул – расшибся бы в лепешку!

Ключ повернулся в замке. Данчер явился.

Мы попили чая, поболтали. Ни про Питер, ни про Энди даже не заикнулся, хотя Данька очень располагал к откровенности. Он умел слушать и давал советы, только если его об этом просили. Полгода назад ребята приняли меня в тот же гараж, в ту же теплую компанию, будто ничего не произошло – будто не было ни Энди, ни моего кидалова. Сам никогда не решился бы прийти.

Кому нужно, чтоб его целиком понимали? Любой здравомыслящий человек знает, что это невозможно. А вот чтоб принимали – желание реальное. И меня принимали. Таким, каков есть — угрюмым молчуном, амбициозным и вспыльчивым, с переменчивым, как апрельский ветер, настроением.

Через полчаса пришли остальные, включая Сеню. Он покосился на меня, но я отвел глаза. Небось, волнуется, что я его Даньке заложу! Чудо в перьях. Концертов в ближайшее время

не предвиделось, поэтому играли для себя – что хотели, то и воротили. Свое и чужое, старое и новое...

Когда я возвращался домой, Катя ждала меня на лавке у подъезда. Видно, придется дать ей дубликат ключей. Жаль ее. Хуже нет, когда в семье проблемы – сам знаю. Я вдруг поймал себя на мысли, что отношусь к ней, как к ребенку или к младшей сестре. «А зачем спишь с ней?» – спросил внутренний голос – моя совесть и мораль, еще не до конца потерянные. «Зачем? Как зачем? Козе понятно, зачем, да и всего пару раз...» – это был явно не ангел-хранитель.

Мы поднялись ко мне. Поужинали. Готовить для себя несложно – я не прихотливый, а вот что с Катей делать?

– Кать, ты вообще у меня надолго? – прямо спросил я.

– Ну, не знаю... а на сколько можно?

Понятно, хоть навсегда. Такой ответ не порадовал. Ладно, если что, выгнать я ее всегда смогу – это просто, когда не любишь.

1 апр., пон.

Любимый праздник нашего населения. Давненько ничего не записывал – нечего было сказать. Катя жила у меня все это время. Сейчас ушла – сказала, что жить со мной не так легко, как она наивно полагала. Ежевечернюю тусовку, частые визиты Сеньки, гитарный рев и настройки, проигрывание одних и тех же минусовок по сто раз – не каждая выдержит, хоть и назвалась готической чувихой. Как я и думал, она оказалась человеком незамысловатым. Кроме теплой постельки общение с этой девушкой не дало мне ничего.

Долг за квартиру повис за два месяца – зачастую мне удавалось платить аккуратно, а тут пришлось купить микрофон, будку и поп-фильтр для записи вокала. Миди-клава настолько раздолбанная, что выжать из нее нечто пристойное трудно. Ударные все-таки решил записывать сам, на компе. В идеале доверить бы Сеньке, но соседей жалко и технически сложно дома, а на студию денег нет.

Я ознакомил Линду с материалом моего будущего мега-хита, изложил свои соображения. Она принесла басуху, поселила у меня синтезатор – говорит, на моей миди-клаве далеко не уедешь – и даже флейта осталась у меня. Единственная комната теперь завалена так, что к кровати не подобрешься.

Из гаража не ушел, но совмещать оказалось труднее, чем я думал. Изначально решил так: играть свои песни в группе не хочу – надо скинуть груз с души, а не реализовываться, утягивая команду на дно хилыми текстами. Но потом у меня словно третий глаз открылся. Я стал думать о таком, что раньше было для меня непостижимым – об аранжировках собственных песен. О том, чего хочу я, а не команда или заказчик минусовки. У нас все партии писал Данька, аранжировки мы просто обсуждали, но в итоге и над ними корпел Черкасов. А тут – все мое и только мое. Только так, как я хочу. Мне снесло крышу. Я бежал домой из института, чтобы повозиться со своим творчеством. Играя с ребятами, я расслабился до наплевательства: у меня появился надежный тыл. Мне больше не хотелось спорить и что-то доказывать, отстаивать свое видение, экспериментировать. Я легко соглашался на то, что предлагают ребята, и с удовольствием играл. Практически превратился в сессионного музыканта.

Разумеется, великий Данчер не мог этого не заметить. И я раскололся.

– И как ты, бросишь нас?

Я горячо заверил, что нет. Данька предостерег, что сольными проектами хорошо бы заниматься, когда в основной группе затишье или дела идут плохо. Я вспомнил об Энди и пообещал, что мои сольные амбиции никак не отразятся на творчестве группы.

– Что мне лезть, Дань? Ты молодец и все делаешь классно. Я всегда доверял твоему вкусу.

– Так и я всегда дорожил твоим мнением. А теперь его из тебя не вытащишь...

Он все понимал, будто пережил на собственной шкуре. В который раз поражаюсь. Он понял, как мне важно разобраться со своими демонами и как в этом помогает творчество. Понимал и то, что свое так захватывает, что чужое становится неважным. Понимал, видимо, и то, что не стоит обижаться на меня, дурака, но это было выше его сил.

2 апр., вторн.

Ладно бы я химичил в одиночку – нет, у меня же мини-группа собралась! Сенька, в отличие от меня, не тяготился игрой на два фронта и пообещал взять ударные на себя.

– Дронов, неужто ты думаешь, я позволю тебе записывать этот тыц-тыц, будто школьник бьет по кастрюлям?!

У Астахова в момент сформировалось грандиозное видение: и арт обложки, и выбор лейбла, и организация концертов, и рассылка демо-версий на радио...

– Дружище, остынь, это некоммерческий проект. Никаких пряников не могу предложить. Кроме чувства неглубокого аморального удовлетворения.

Арсений и не нуждался в моих пряниках. Мне ж самому должно хотеться двигаться дальше, разве нет?

Я лишь вздохнул мысленно. Пока что мне хочется вот так же вздыхать – легко и свободно, чтоб сердце не щемило. И как ни смешно звучит, каждая песня, каждый стих, а для кого-то – каждая картина или книга – всего лишь пополнение кислородного баллона.

Я решил, что необходимо полное взаимопонимание в моей маленькой группе. Они имеют право знать факты из моей биографии, которые отражены в текстах хотя бы косвенно. Самое сложное было рассказать о Ланке. А еще сложнее – о том, как я по-скотски с ней поступил. Сеньке рассказать проще – он парень, поймет хоть как-то, а вот Лин... Я заранее настроил себя, что не буду оправдываться и пытаться себя обелить, что бы она ни говорила. Приготовился выслушать множество «приятных» слов в свой адрес, внушил себе, что это будет справедливо.

Лин слушала молча, не перебивая, не останавливая, ничего не переспрашивая. Я испугался, не заснула ли она.

– Ну что ты теперь обо мне думаешь? – завершив излияния, спросил я.

Помолчав немного, она ответила:

– Что ты очень тонкий и чувствительный человек, Вадим. Просто иногда слишком торопишься. Слишком импульсивно действуешь. Иной раз излишне много думаешь над вопросом, который того не стоит, а порой... не думаешь ни о чем – ни о себе, ни о других.

Я сидел, как пришибленный. Чувствительный, тонкий... я? Неужели обо мне она говорила сейчас? И ведь понимаю, что обо мне – кто б еще так четко сформулировал мое состояние и поведение? Кто еще так понимал меня?

– И ты не откажешься записывать альбом с такой сволочью? – почти шепотом спросил я.

Лин рассмеялась – звонко и заразительно.

– Дрох, я профессионал, понимаешь? Я могу работать с любой сволочью. Качество не пострадает, обещаю. Да и вообще, не очень врубаюсь, что ты такого криминального сделал. Я бы на месте твоей возлюбленной на тебя не злилась. Скорее, переживала бы, что ты из-за меня так поступил со своей жизнью.

Будто камень с души. И я снова начал переводить бумагу. Жизнь продолжается, рано гнить в хандре. Надо делом заняться. Серьезно и основательно.

3 апр., среда.

Мы с Лин пошли ко мне после института, работать с клавишами. Я уже записал ритм-секцию к паре песен. Синтезатор для меня – загадка, поэтому его я доверю Лин. Сначала, конечно, чаю попили, поболтали – никак не наболтаемся. О репертуаре моем говорили. Еще немного, и я перестану здороваться со всеми знакомыми. Лин активно растлевала мою душу

похвалой – и стихи ей нравились, и музыка. И меня это удивляло – после ее сольника мои потуги кажутся плаванием игрушечного кораблика в ванне.

– Дрох, в так называемом русском роке три темы: наркота, любовь и одиночество. Это так заколебало! А таких образов я уже давно ни у кого не слышала – это я тебе как филолог говорю.

Я помолчал, потом расплылся в улыбке. Приятно, конечно. Так важно, когда тебе не обрубают крылья, а наоборот – верят в твои силы больше тебя самого. Тем более, когда говорит об этом человек, который разбирается и в музыке, и в стихоплетстве. Мы с Лин давние друзья, поэтому она могла открыто сказать мне обо всех недочетах. Бывало даже, я просил ее исправить речевые ошибки в рассказах. Давно это было. Исправляла. Не так уж много было. А я потом хохотал – каким дураком надо быть, чтоб таких ошибок наляпать!

4 апр., четв.

Гитаристы празднуют день рождения Гари Мура в гараже у Данчера. Я присоединился, выпил пивка. Надо бы пойти домой, работать над записью. У меня куча идей, руки чешутся. Но я так прилип к уютному дивану в гараже, что не мог встать целый час. Соскребся кое-как и поплелся домой. По дороге напоролся на Лин с Дэйвом, вернул отвисшую челюсть в исходное положение и пошел дальше. Он еще здесь?! Он еще жив?!

Работа не клеилась. То ли воодушевление долго не держится, то ли я просто устал – играть и там, и тут, да еще учиться кое-как. Порой жалею, что не пошел на заочку. Нет, я ж крутой! Я ж поступил не по льготам, а по уму! Не абы куда, а в СПбГУ. Тут учиться в сто раз проще, а настрой давно пропал. Надо было что-то более практичное выбрать, вроде юриспруденции или экономики, а то выйду историком и что? Музыкант, историк... Перспективы головокружительные. От стакана к песне или голодать под мостом. И мостов не так много, как в Питере...

6 апр., субб.

Вчера зашел к своим, мама предложила остаться на ночь – отец куда-то смылся.

В кои-то веки нормально поел – мама приготовила завтрак. Давно забытый домашний вкус, приправленный заботой. Странно, раньше она не готовила – когда я тут жил, питались, как попало. Подростком я был вечно голодным, слабым и тощим. Только у бабушки отъедался и с дедом тренировался. Всегда так: стоит только уехать – жизнь в покинутом тобой месте налаживается.

Лин позвала на встречу с «настоящими людьми». Я согласился, до конца не понимая, зачем. Ничего нового, ни уму ни сердцу...

Сенька пришел с новой девушкой. Во, дает! Интересно, этой-то не нужна моя жилплощадь? Нет проблем в семье? На всякий случай я пошел на кухню к Маше и Володе, мы попили чайку, мило поболтали. Володя преподает химию в нашем вузе, на ЕНФ. Не встречал его там, хотя, неудивительно – ЕНФ в другом корпусе.

Чуть позже, наговорившись с супругами, я продрался сквозь толпу философов в гостиной, ловя обрывки фраз типа: «жизнь – это любовь и война: первое – её высший смысл, второе – её ярчайшая суть» или «интуиция есть метафизика разума». Нашел Лин и Дэйва, тихо попрощался – благо, не надо никого провожать. Поймал себя на мысли, что выискиваю взглядом потертую кожаную жилетку Энди. Он с ней не расставался, она стала его визитной карточкой. Впрочем, он парень большой и видный, не заметить сложно. Слава Богу, на сей раз его нет.

Как я и полагал, вечер прошел бездарно. Зачем я втискиваюсь в любую компанию? Ведь понимаю, ничего она мне не даст, а все ищу, жду чего-то... Как лишняя деталь любого механизма.

7 апр., воскр.

Хочется закрыться от всех и не выходить до самой весны. Уж солнце светит вовсю, и слышатся, пусть отдаленно, голоса птиц, что-то витает в воздухе, но зима так упорно сопротивляется крепкими морозами! Всю зиму не было, а в конце – ни дня без них.

Наступив на горло гордости, я позвонил Сене спросить у него номер телефона Кати. Она говорила, к ней можно обратиться, если захочу с ней переспать. Не прошло и часа, как она была у меня. Я сразу сказал ей, что она нужна мне только на эту ночь, а не на ПМЖ. Она не обиделась, не плюнула мне в рожу и не ушла. Сказала, что и сама не осталась бы дольше.

– А почему тебе плохо? – спросила она.

– А не знаю, – буркнул я.

– Может, поговорим?

Ну, мне хоть со стенкой говори, когда плохо. Я вывалил на Катю отрывки из своей полной приключений жизни, поделился бессвязными мыслями. Она оказалась прекрасным слушателем – кивала и не перебивала. Я знал, она думает о чем-то своем, не то, что Лин, но меня это мало заботило. Когда слова за душу не тянут, всегда легче.

На ночь она, конечно, осталась – избавила меня от мыслей о моем «духовном кризисе». Спасибо ей большое.

10 апр., среда.

Настроение – паршивее некуда. Ничего делать не хочу, даже записывать этот гребанный альбом. Дурацкая была затея. Переслушал то, что написал, и чуть не удалил безвозвратно.

Лин пришла часа в четыре и разубедила меня умело, в двух словах, как у нее одной получается. Иным людям требуются пламенные речи, чтобы донести до кого-то свои мысли, а Лин всегда хватало пары тезисов.

– Подумай, что твоя рана так и не заживет, если ты ее не промоешь и не перебинтуешь. Так и будет саднить, кровоточить, гноиться и смердеть. Вспомни свой зимний хандроз!

Значит, все-таки меня трудно было выносить даже ей? Хорошо, что прошлой осенью мы особо не общались – тогда я сам себе был противен. Отчасти потому и начал писать дневник, чтобы посмотреть на себя со стороны и посмеяться над своими проблемами. В письменном виде они выглядят мелко.

– Но если тебя и это не убеждает, задай себе вопрос: где ты будешь через десять лет, если сейчас не пнешь себя доделать начатое? В лучшем случае там же, где и сейчас, но зачастую мы откатываемся назад, когда не движемся вперед, правда? Потому что все вокруг-то движется!

– Убеждает, убеждает! – я примирительно поднял руки. – Рано говорить о демо, лейблах, концертах, деньгах и славе!

Лин пожала плечами – мол, как хочешь. Но потенциал есть!

– Кстати, у меня еще для тебя новость – собственно, я пришла тебе ее сообщить, а ты тут опять сопли жуешь...

– Все, прожевал уже, говори!

– Тебе нужен подержанный маршаловский усилочек? Знакомый из универа продает, хочет себе процессор новый купить.

Черные мысли мигом вылетели из головы. Усилочек мне нужен в принципе – свой я продал, когда вернулся домой, а в гараже играю на Данькином. Дома обхожусь как-то, то в наушниках, то в компьютерных колонках, пока не затошнит. Для записи он тоже не нужен, да и денег нет до отчаяния. Но... но, но, но!

Я помчался за блокнотом, чтобы записать номер этого парня. Позвонил ему и договорился о встрече, чтоб посмотреть и потестить это чудо с ламповым предусилением, якобы собранное в Англии. Чуть слюни на ковер не пустил, но виду не подал.

– А в рассрочку не отдашь? – обнаглел я.

– Можно.

Я выдохнул. Оказалось, рано – он назвал сумму, которая нужна ему «вот прямо сейчас». Мне уже померещились банковские коллекторы и нанятые хозяйкой квартиры головорезы, которые, поколотив меня, выволакивали мое недорогое, но жутко ценное имущество, а меня самого отпиночили на улицу. Под мифический непитерский мост.

13 апр., субб.

Лин одолжила мне приличную сумму. К своим на поклон идти не решился – еще не предел. Ещё есть, кому делать минуса. Да и аранжировок позаказали ребята из «Фантома» (спасибо Линде за рекламу – признаться, не ожидал, что они платежеспособны). Летом Сеня предложил подработать грузчиком на рынке – работа тяжелая, но прибыльная, особенно, если ни с кем не делиться.

Покупки моей Сеня, правда, не одобрил – даже такой раздолбай, как он, решил, что я действую необдуманно и веду на эмоции. Возразить нечего, но мне этот усилик уже снится начал. Как посмотрел на него, поиграл... до чего шикарно звучит!

Мы с Лин ничего не записывали – просто играли, как никогда раньше, вдвоем. Она на синтезе, я на гитаре. Получалось, по-нашему, неплохо. Я просто схожу с ума от своей покупки – звук стал невероятным. Уже забыл, на что способна моя гитара.

15 апр., пон.

Странные мысли рисуются на рассвете. Я все чаще просыпаюсь часов в пять, что-то записываю и снова ложусь – особенно по выходным, когда торопиться некуда. Хочется думать о чем-то прекрасном, хотя пару дней назад о нем не думалось. Нравится вспоминать о любимой. Эти воспоминания, как драгоценные камни, которые приятно перебирать, любоваться ими, перекладывать из одного угла сознания в другой, будто перекидывать из ладони в ладонь... Шлифовать стихи, посвященные ей. Когда представляешь, какие из них получатся песни, требования возрастают. А если не воспринимать как поэзию, а лишь как тексты песен – в чем-то проще. Порой редактора доводит до помешательства.

Утро понедельника никогда не было радостным, а сегодня выдалось прямо-таки угнетающим. Вспомнил, что у меня скоро день рождения, и поежился. Чувство не ново, конечно – чем старше становимся, тем менее радостен этот «праздник». Но такого безразлично-тягостного ощущения я не помню.

Лин никогда не спрашивала, что мне подарить – она знала. Сенька чутьем не отличался, поэтому спросил. Я честно сказал, что не знаю. Да что мне надо-то? Во, доживешь! Мира в душе, пожалуйста, – можно без акций и скидок, можно авиапочтой – я бы подождал и не поспешил. Какой бренд это производит, кому заплатить?

– А я знаю, что тебе надо, – Астахов рассудил по-своему, – любимую девушку, контракт с «Реал-рекордс» и чемодан валюты. Но извини, это мне не по силам. Диски-книги – пожалуйста.

17 апр., среда.

Ну вот, мне двадцать три. Все равно, что двадцать два или двадцать четыре? Ничего не изменилось.

В универ не хотелось. И не пошел – уважительная причина, день рождения. Уже после одиннадцати мобильник начал плавиться от гневных звонков Лин и Сени. «Ты че не пришел? Ты дома? Мы зайдем – не спрячешься!»

Они явились в три. Такие радостные, веселые, будто и впрямь праздник.

– Эй, старик, не вешай нос! – хохотал Сенька. – Все не так страшно. Вон, Данчеру скоро двадцать шесть и ничего, живет себе...

– Спасибо, друг, утешил, – рассмеялся я.

Линда обняла меня, втянув в свою душистую ауру. Запах ее духов опять напомнил о весне, которая никак не наступала. Лин подарила мне книгу стихов Джима Моррисона – на английском, естественно. Где она это нашла?! Я же весь Питер излазил! Сенька подогнал диски с концертами Therion, Tristania, Theatre of Tragedy – подрядил знакомого закупиться на «горбушке».

Вино и торт у меня, конечно, есть – я верил, что меня не забудут. Чуть позже привалили Данчер, Дэн и Риз. Обвинили меня в том, что я не ценю старых друзей, но они обо мне помнят, поэтому пришли без приглашения. Принесли еще вина, водки, коньяка, чипсов, сухариков, корейской морковки, нарезанной ветчины и сыра... В общем, у меня замечательные друзья, знают, что я гол как сокол из-за покупки усилка и микрофона.

Дальше мой день рождения пошел, как обычно проходят праздники в нашей компании: гремела музыка, народ разбивался на группки и беседовал, кто-то терзал мою гитарку, тихонько подпевая, потом запели все, поддерживая музыку, а еще чуть позже магнитофон выключили и стали горланить без поддержки из динамиков.

Когда мне надоела эта муть и заела тоска, я ушел на кухню, сел у окна и глянул в небо. Как все достало! Предсказуемость, сам ход этой дурацкой жизни! Я даже доброту друзей принял как должное, и мне абсолютно все равно, обидятся они, что я их не пригласил, или нет. Самим хотелось потусить, а днюха – всего лишь повод.

– Дрох, тут можно покурить? – дверь открылась и показалась белобрысая голова Риза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.